

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Служба времени. Меловой период

Капсула машины времени опустилась на открытую равнину, поросшую яркой зелёной травой.

— Чёрт! — выругался Антон, — лучше бы где-то в заросли сесть. А тут будем, как на ладони.

— Вы же знаете, капитан, что пока у нас нет возможности задавать пространственные координаты с такой точностью, — ответила Настя.

Антон молча поморщился. Его раздражала эта её привычка называть его на «вы» и капитаном. Да, конечно, таковы правила, ибо он капитан и её непосредственный начальник, да он на десяток лет старше, но...

Палеонтолог Антон Сергеев, капитан первого ранга службы времени возглавлял эту экспедицию. Три месяца назад ему в курсанты и напарники прислали Анастасию Ковалёву, студентку-биологичку. Она писала диплом по фауне мелового периода. Её работа имела большое научное значение, так как Анастасия должна была отправиться в экспедицию на Салву-2, животный мир которой был схож с земным той эпохи. В задачу Антона входило на практике ознакомить курсантку с условиями мела и помочь ей сделать снимки и видео нескольких видов динозавров.

С самого начала Антон не то чтобы не влюбил Настю, нет, просто она его раздражала своей безалаберностью, постоянным несоблюдением элементарных правил поведения, прописанных в кодексе службы времени и... Да он и сам не знал, чем именно!

— Одуванчик несчастный! — подумал Антон. — Интересно, она вообще способна мыслить? Про себя он прозвал её одуванчиком из-за огромной шапки крупных кудрей золотистого цвета. Они делали её голову похожей на большой одуванчик. Детское личико с пухленьким маленьким ротиком и чуть вздёрнутым носом довершало картину.

— И вот это отправится в дальний космос! Детский сад! — мысленно возмутился Антон. — Да, лично я не завидую её будущему шефу.

Вслух же он ответил:

— Я знаю это, курсант Ковалёва! Как раз об этом я и сожалею!

Настя удивлённо посмотрела на него своими тёмно-кариыми глазищами. Обиженно надув губки, подумала:

— Опять злится! Противный! Как его выносили предыдущие курсанты? А Пашка Шевцов, из первой группы, ещё хвалил — мировой мужик! Хотя, — она мысленно усмехнулась, — внешне он очень даже... ничего... Как может быть обманчива внешность! С него вполне станется не поставить зачёт по практике... И тогда прощай Салва...

— Итак, — Антон уставился на экран панели управления, — капсулу надо переместить вот сюда, — он ткнул пальцем в экран, — здесь небольшая пещера, можно легко укрыть нашу кабину. А потом двинем километров на десять вперёд. Бортовик засёк там группу кого-то... Возможно, это именно то, что мы ищем...

— Капитан, — девушка смущённо опустила глаза.

— Что, курсант?

— Ааа... можно я сниму этот невыносимый комбинезон?

— Курсант Ковалёва, вы опять хотите попасть в неприятную ситуацию?

Настя очень не любила форму службы времени. Она вообще не любила брюки. Однажды, когда на ней было лёгкое платье с открытыми плечами, они неожиданно залетели в

ледниковый период. И пока Антон два часа копался, устраняя погрешности в программе, девушка едва не ооченела, так как преобразователь тоже завис.

— Нет, шеф! Но... здесь такая травка, — она улыбнулась по-детски, растягивая розовые губки... И, посудите сами, комбинезон блестящий, день солнечный... Не привлечём ли мы нежелательное внимание? — нашлась она.

— Хм, — Антон задумался, — пожалуй... Хорошо... Тогда и мне нужно что-то подобрать...

— Всё, включая преобразователь! — девушка довольно сверкнула глазами.

Тонкие пальчики быстро запрыгали по сенсорному экрану, набирая коды одежды. И вот уже Настя сидела в открытом топике оранжевого цвета и коротенькой зелёной юбочке в бантовую складку. Топик обтягивал упругенькую грудь, небольшую, но высокую, а юбочка открывала ножки, при одном взгляде на которые хотелось вообще сорвать с неё всё.

— Надо же, — мысленно усмехнулся Антон, — и чего она в модели не пошла? Хотя понимаю — роста не хватило.

Настя была из числа миниатюрных девушек. Ему, очень высокому, под два метра, она не доставала даже до плеча. При разговоре стоя всегда смотрела на него снизу вверх, как преданная собачка. Но больше всего Антона забавлял её размер обуви — тридцать первый. Вот и сейчас на ней были крошечные кроссовки, будто из детского магазина.

Усмехаясь, капитан окинул напарницу придирчивым взглядом.

— Ну, и вы полагаете, в этой юбчонке можно гулять по мелу?

— Да... а... разве нет? — Настя сникла.

— Конечно, можно, если вы... не боитесь, что нечто или даже некто заползёт под неё, — опять усмехнулся он. И вдруг строго отрезал: — Курсант Ковалёва, приказываю немедленно заменить юбку на... шорты.

— Заползёт?! — Настя побледнела.

— Вы поражаете меня! Вы же биолог! — возмущённо воскликнул Антон. — Всё! Хватит пререкаться с капитаном!

Настя опустила глаза и нехотя преобразовала юбку в зелёные же шорты. Себе Антон «набрал» серую рубашку-поло, хлопчатобумажные брюки болотного цвета и лёгкие кроссовки. На голове у него была бейсболка, Настя повязала себе зелёную бандану в тон шортиков. Её золотые кудряшки забавным венчиком торчали из-под головного убора.

— Боюсь, что ваш теперешний вид привлечёт ничуть не меньше внимания местных обитателей, нежели блестящий комбинезон, — усмехнулся Антон.

— Ну, уж нет! — вспылила Настя. — Здесь очень яркая растительность... Оранжевый и зелёный — местные цвета. Я наоборот... мимикрирую.

— Хэм, — хохотнул Антон, — ладно, мимикрируйте на здоровье!

Переправив капсулу в заросли к пещере, Антон вновь распорядился:

— Курсант Ковалёва, остаётесь здесь! А я должен заглянуть в пещеру.

— А можно... я вас прикрою, подожду около пещеры? — девушка преданно уставилась ему в глаза.

— Нет! Вы прикроете меня, сидя здесь! — отрезал он, напрягаясь от её взгляда.

Выйдя наружу, Антон вдохнул местный воздух. От обилия кислорода закружилась голова. А запах! Это был не просто запах, вокруг тысячами ароматов разлеталась композиция свежести. Да уж, это вам не городские джунгли середины XXII века!

Вытащив молекулярный дезинтегратор, который в просторечии «временчики» называли

распылителем, Антон осторожно продвинулся в пещеру. Она оказалась просто углублением в скале, внутри было совершенно пусто. Он быстро вернулся к капсуле и передал Насте, чтобы загоняла кабину в пещеру. Девушка тут же выполнила приказ капитана.

Тоже покинув капсулу, она с наслаждением вдохнула воздух.

— Ннн, какая свежесть! — протянула, подставляя личико лёгкому ветерку, раскинула руки в стороны и закружилась.

— Курсант Ковалёва! Пора двигаться! — поторопил Антон. — Вы сюда не отдыхать заброшены!

— Да, шеф! — пискнула она и сразу сникла.

Они пошли по намеченным координатам, туда, где компьютер засёк движущиеся живые объекты. Настя то и дело направляла камеру на живописные окрестности, «запоминая» необыкновенные виды мелового периода. Один раз она даже попыталась понюхать красивый цветок. Но Антон вовремя схватил её за руку.

— Что вы хотите сделать? — он уже хорошо изучил свою курсантку, поэтому успел предупредить её действия.

— Я... просто хочу рассмотреть цветок, — смутилась Настя, опуская взор.

— Вы с ума сошли! — рассердился Антон. — Чёрт знает что! Вы биолог или кто? А вдруг этот цветочек вас укусит?!

— Не считайте меня дуручкой, капитан! — выпалила девушка. — Да, я впервые здесь! Но я изучала теорию. Здесь есть покрытосеменные, то есть цветковые... И выглядят они именно так!

— Пока я здесь командую и отвечаю за успех экспедиции! — Антон непримиримо сверкнул серыми глазами. — И покуда это так, вы обязаны слушать вашего капитана! — отрезал он.

Девушка тряхнула золотыми кудрями, но промолчала. Они шли молча. Антон украдкой наблюдал за ней. Вдруг заметил, что она стала прихрамывать и отставать.

— Таак, Анастасия! — позвал он. — Что у вас с ногой?

— Ничего... не... знаю... — пробормотала она и опустила голову.

— А ну, живо снимайте обувь! — скомандовал Антон.

Девушка послушалась и, опустившись на камень, скинула кроссовок. Сергеев присел перед ней, осматривая ножку. Над крошечной пяточкой была кровавая потёртость. Антон понял, что она причиняет Насте невероятную боль.

— И как давно вы это терпите? — нахмурившись, спросил он.

— Это ещё вчера... Когда мы летали в Гоби...

— И молчали! — он покачал головой.

— Тогда бы вы не разрешили мне сегодня лететь...

Она вдруг просительно заглянула ему в глаза и заканючила:

— Это пустяки! Я сейчас намажу восстановителем, наклею пластырь и... я смогу идти!

— Хорошо! Только поторапливайтесь! Мы теряем много времени, нельзя срывать сроки экспедиции! — поморщился Сергеев.

Мысленно он сказал:

— Что бы я ещё раз взял девчонку в экипаж! Нееет! Только парни! Сколько нервов она мне истрепала за эти три месяца! И вообще, вернёмся, напишу рапорт... Пуст ей дают другого наставника.

Настя достала аптечку и принялась обрабатывать ранку.

— Ой-ёй, мамочки! Мнн... — вскрикнула она.

— Что у вас? — склонился над ней Сергеев.

Увидев, что в её глазах слёзы, он почему-то смутился. Ему стало стыдно за свои мысли.

— А ну, давайте сюда вашу... конечность!

Он ловко выдавил на ранку прохладный прозрачный гель, слегка размазал его салфеткой, стараясь как можно меньше причинять девушке боль, и заклеил всё пластырем. Пока он держал в своих руках её маленькую хрупкую ножку, он почему-то вспотел. Крошечные пальчики с аккуратными ноготками, окрашенными в нежно-зелёный цвет, рассмешили его.

— Интересно, — подумал он, усмехаясь про себя, — она так любит зелёный или... опять мимикрирует?

Розовая ступня была такой тёплой и нежной, что у Сергеева застучало в висках, а внутри словно напряглась какая-то пружина.

— Чёрт возьми! — пронеслось в голове, — разве можно с такими ножками быть в службе времени?! Эта ножка для поцелуев создана, — вдруг решил он.

И тут же обругал сам себя за такую глупость.

— Нет, надо точно писать рапорт, — окончательно решил он, — иначе я свихнусь.

— Ну, вот и всё, — вытирая мокрый лоб, сказал он. — Можно двигать дальше.

— Спасибо, капитан, — розовые губки растянулись в милой улыбке, а глазки сверкнули так, что пружина внутри Сергеева скрутилась ещё туже.

Они пошли дальше. Однако Антон понял, что в срок до шестнадцати ноль-ноль они не уложатся. Придётся послать сообщение руководству и предупредить, что должны задержаться ещё на день. Он так и сделал.

Внезапно на экране планшетника, укреплённого на запястье Антона, показалась зелёная полоса.

— Тсс, — Сергеев приложил палец к губам и посмотрел на свою спутницу, — кажется, мы пришли. Там кто-то есть.

Они спрятались за грудой камней и стали наблюдать. Метрах в двухстах от них паслось несколько динозавров. Их исполинские размеры просто потрясали.

— Курсант, ну-ка определите вид этих красавцев, — прошептал Антон.

— Это титанозавр, — тоже шёпотом отвечала Настя.

— Боюсь, вы ошибаетесь, — усмехнулся Сергеев, — титанозавр, во-первых, был несколько длиннее, около двадцати метров. А эти друзья всего лишь двенадцать. И, кроме того, титанозавры существовали около семидесяти — шестидесяти пяти миллионов лет назад. А мы с вами перенеслись на все восемьдесят. Поэтому перед нами...

Он не успел закончить фразу, как Настя с ликованием произнесла:

— Сальтазавр! Это сальтазавр.

— Ну, вот это правильный ответ, — согласился Антон. — Мой вам совет, Ковалёва, не спешите! Вы всё время словно бежите куда-то, забывая подумать.

Настя опустила глаза.

— Зануда! — обругала она его про себя. — Хоть бы раз просто похвалил или одобрил... Так нет же. Даже если и похвалит, сразу же обдаст холодом.

И вдруг стадо оживилось. От их движения загудела земля. Но сальтазавры никуда не бежали, они просто стали странно перемещаться, словно гоняясь друг за другом.

— По-моему, их что-то напугало... — расширив глаза, взволнованно заметила девушка.

— Хм, вряд ли... — пробормотал Антон, — если бы они почувяли опасность, то кинулись бежать... А тут такое ощущение, что они словно играют в какую-то игру.

— Я снимаю? — спросила Настя, боясь услышать отказ.

Но он охотно согласился, как всегда предупредив:

— Но только не высовывайтесь... Они хоть и травоядные, могут прихлопнуть нас, как мух. Пока Настя снимала, в стаде всё продолжало двигаться. И вдруг один особенно крупный динозавр, приподнявшись на задние ноги, почти лёг на стоявшего впереди него более мелкого товарища. При этом оба они издали такой ужасающий рёв, что, казалось, от него рухнут небеса.

— Ай-яй! Он сейчас сожрёт его?! — Настя вжала головку в плечики и придвинулась ближе к Сергееву, но продолжала снимать.

Тот, едва сдерживая смех, заметил:

— Это вряд ли... Наоборот, скоро появятся маленькие динозаврики...

— Что? — с камерой в руках Настя уставилась на него. — Вы хотите сказать...

Она покраснела и не окончила фразы.

— Да, — усмехнулся Антон, — нам подфартило увидеть древнюю любовь. Снимайте же! Нельзя упускать такие кадры!

— Нет! Ни за что! — Настя решительно выключила камеру. — Это... это безнравственно...

— Что?! — вытаращился Антон. — Что вы несёте, курсант Ковалёва?! Вы же биолог! Вы посланы сюда собирать информацию о фауне мела! Да эти кадры станут сенсацией!

Он попытался отобрать у неё камеру, но девушка решительно завела руку за спину. Чтобы отобрать прибор, Антону нужно было либо подняться и обойти Настю, а этого он не мог сделать, боясь привлечь внимание динозавров. Либо... просто прижать Настю и применить силу. Этого он тоже сделать не мог.

И вдруг динозавры ринулись в их сторону. Двести метров для них были равносильны нескольким шагам. Антон едва успел уронить Настю и, навалившись на неё, закрыть собой. Девушка затихла, стараясь не дышать. Её упругие мячики упёрлись в грудь Сергеева. Тот лежал на ней и прикрывал руками кудрявую головку. Волосы девушки пахли весенним лугом с едва распустившимися цветами. Её дыхание обжигало ему шею. Он почувствовал, что совершенно начинает терять контроль над ситуацией. Внизу живота сладко заныло. Внутри опять завелась уже знакомая пружина и грозила вырваться наружу чем-то непредсказуемым. Сальтазавры пронесли мимо, сотрясая всё вокруг. Сергеева подбрасывало на девушке. Едва эта лавина миновала, Настя упёрлась в Антона руками:

— Выпустите меня! — пропищала она.

— Простите, — смутился Сергеев и сразу объяснил: — Я был вынужден закрыть вас собой.

— Конечно! — Настя стала поправлять волосы и одежду. — Но знаете, мне без разницы кто меня раздавит — сальтазавр или заботливый капитан, — отрезала она, почти гневно сверкнув глазами.

Сергеев мысленно обозвал её глупым одуванчиком и, отряхнув пыль, пошёл вперёд. Настя отставала. Он оглянулся и поторопил её. Она вдруг смущённо опустила глаза и пробормотала:

— Капитан, разрешите... я отойду вон в те кусты...

— Вот ещё! Что вы опять задумали, курсант Ковалёва?!

— Эээ, мне... надо... — замялась девушка, краснея.

— А! О Господи! — Сергеев воздел руки к небу. — Ступайте! Только недалеко и быстро! —

разрешил он.

Настя быстро юркнула в кусты. Сергеев присел на траву. И вдруг услышал истошный крик своего курсанта. Выхватывая распылитель, метнулся к ней. Увиденное потрясло. Девушка стояла, сняв шорты и приспустив трусики. Узенькая полоска кружевной светло-зеленой ткани висела как раз под тем местом, которое была призвана закрывать. Ниже короткого топики Настя была полностью обнажена. Сергеев заметил, что её местечко совсем голенькое, лишь в самом верху золотился нежный пушок, выстриженный в форме крошечной фиалки. Мелкие кудряшки были именно золотыми, как локоны на голове. Но потрясло Антона не это. Ножки Насти до самых прелестных бёдер охватила гигантская двухметровая многоножка. Она буквально обняла их своими отростками и всё настойчивее тянулась каким-то хоботком к золотому пушку. Из глаз Насти катились крупные слёзы. Но она уже не могла сопротивляться доисторической гадине. Просто стояла, оцепенев от ужаса. Первым порывом Сергеева было полоснуть по многоножке из распылителя. Но он вовремя сообразил, что молекулярный дезинтегратор сможет растворить и Настю. И тогда Антон просто ухватил многоножку сзади и рванул её на себя. Отлепив от Насти, выпустил заряд из распылителя. Гадина растаяла, превратившись в мокрое пятно.

Настя, прикрываясь ладошками, тряслась и беззвучно плакала.

— Ну, ну, курсант Ковалёва! — стараясь говорить бодрым голосом, произнёс Антон. — Прекратите реветь! Если бы вы слушались своего капитана, с вами бы ничего не случилось, — заметил он и протянул ей салфетки: — Вот, оботритесь, на вас осталась слизь от этого существа.

Девушка послушно взяла салфетки и принялась вытираться, повернувшись к нему спиной. Теперь Антон увидел хорошенькую кругленькую попку, такую, что у него перехватило дыхание и застучало в висках.

— Надо же, — стараясь держать себя в руках, мысленно усмехнулся он, — дурёха решила, что попку показывать приличнее...

Настя брезгливо отшвырнула липкие салфетки. Но Антон взял одну и провёл по ней анализатором.

— Чёрт! — воскликнул он и присвистнул.

Забыв о своей наготы, Настя опять повернулась к нему заплаканным личиком.

— Что? Что там? — встревоженно спросила она.

— Да... собственно... — пробормотал Антон и вдруг, нахмурившись, спросил: — Оно... не трогало вас за... Ну, вы понимаете, о чём я?

Видя, что Настя растерянно смотрит на него, разозлился и выпалил:

— Оно не проникало внутрь вас?

— Да как вы... Да что вы себе позволяете?! — девушка гневно сверкнула глазами и вновь отвернулась, вспомнив о наготы.

Она хотела натянуть трусики, но Антон перехватил её руку.

— Стойте! Не трогайте ни это, ни шорты!

— Вы издеваетесь?! Я что должна оставаться голой?! — возмутилась Настя.

— Да! — заорал Антон, — лучше голой! Состав этой слизи на девяносто девять процентов аналогичен составу человеческой спермы! — признался он.

— Ой-ёй! — Настя закрыла лицо ладонями. — Так оно... он что хотел меня... Что он хотел сделать?..

— Я не знаю, — Антон укорил себя, что признался ей, — во всяком случае, оно приползло на ваш запах... Я говорю о моче, — уточнил он на всякий случай.

Но Настя, казалось, не слушала его. Она опять всхлипывала, и её плечики вздрагивали.

Антон взял преобразователь и «создал» из её трусиков и шорт небольшой платок и плавочки.

— Вот, оденьтесь... курсант Ковалёва, — почему-то хриплым голосом сказал он.

Девушка, продолжая всхлипывать, быстро натянула трусики, а платок повязала, как парео, вокруг талии.

— Ну, вот, вы же хотели юбку, — Антон постарался пошутить, — вот и получили её.

Настя ничего не ответила, только обиженно сверкнула глазками.

День клонился к закату. Антон прикинул, что вернуться к капсуле и заночевать в ней они не успеют. Нужно было устраиваться на ночлег где-то здесь. Анастасия демонстративно не разговаривала с ним, обиженно надувая губки. Её личико пылало от гнева.

— Правда, я, наверное, слишком строг с ней, — подумал вдруг Сергеев неожиданно для самого себя, — бедный одуванчик столько натерпелся. Зачем я всё время ору на девчонку?...

Она же не виновата, что попала в щупальца этой гадине... Хм, и тварь эту можно понять: эта фигурка кого хочешь с ума сведёт...

— Анастасия, — позвал он, — мне кажется... Вы обижены на меня?

— Н-нет — она мотнула головкой, отчего кудри разлетелись во все стороны, как парашютики одуванчика. — Я... просто мне было очень страшно и... так противно... А вам я благодарна, — вдруг призналась она. — Вы же спасли меня от этого... насильника... Спасибо...

Она вдруг улыбнулась открыто, по-детски доверчиво.

— Хм, не говорите ерунды, — смутился Сергеев.

От её улыбки у него перехватило дыхание и стало как-то тепло в груди. Чтобы прогнать эту слабость он добавил:

— Это мой долг и обязанность, как вашего капитана.

Её задела его слова. Она сразу сникла и наморщила носик.

— Сухарь несчастный! — подумала Настя. — Почему нельзя просто по-человечески, по-дружески? Это мой долг... я ваш капитан! Вот если бы я спасла его, ни за что бы не стала петь о долге... Взамен я бы... я бы потребовала поцеловать меня... Фу, ты... Дура!

— Вот ваш чай, — она протянула ему чашку чая, налив его из синхрофазотронного синтезатора.

— Спасибо... — улыбнулся он.

— Что вы, пустяки, — она изобразила вежливую мордашку и ехидно добавила: — Это мой долг, капитан.

Сергеев, отвернувшись, чертыхнулся про себя.

Он проснулся ранним утром. Сразу хотел выключить защитный силовой купол, который они устанавливали, ночуя на открытом воздухе. Купол охранял от вторжения непрошенных гостей и поддерживал благоприятную температуру в поле своего действия. И вдруг его взгляд упал на девушку. Настя лежала метрах в двух от него, поджав ножки, свернувшись калачиком, подложив под щёчку ладошку. Локоны рассыпались веером, полураскрытые губки придавали и без того детскому личику какое-то совершенно беззащитное выражение. Антон залюбовался ею. Захотелось дотронуться до золотой короны волос. Он протянул было

руку, но тут же отдернул её.

— Кретин! — обругал себя мысленно. — Совсем чумею... Нет! Надо писать рапорт! Сегодня по-быстрому сворачиваем экспедицию и домой! И что бы ещё хоть раз...

Он не успел закончить мысль. Настя открыла глаза и с улыбкой воззрилась на него.

— Эээ, доброе утро, курсант Ковалёва, — пробормотал Сергеев, смутившись, боясь, что она догадается о его желаниии, с которым он боролся минуту назад.

— Доброе утро, капитан, — сонным голосом пропела она. — Ах, как хочется ещё поспать! Ну, хоть чуточку!

— Анастасия, — делая строгим лицо, начал он, — вы забыли, где мы находимся? Курсант службы времени, вам надлежит продолжить сбор материалов. И уложиться вы должны до обеда. Если точнее — до четырнадцати ноль-ноль. Сейчас ровно пять. На сборы я даю вам десять минут. Всё!

— Ясно, капитан, — нехотя протянула девушка и села, стала расчёсывать свой «одуванчик». Наскоро позавтракав, они двинулись обратно по направлению к капсуле. На этот раз Настя не отставала: рана на ноге зажила. По пути они засняли ещё несколько местных жителей. Особенно Настю впечатлил летающий динозавр с размахом крыльев около одиннадцати метров.

— Ой, птичка! Какая птичка! Вот это да! — то и дело восклицала она, снимая его на камеру. Сергеев не возражал, хотя в душе его возмущало, что без пяти минут дипломированный биолог, специалист по мирам земного типа называет кетцалькоатля из отряда птерозавров птичкой.

Наконец оказались у пещеры, где была спрятана капсула. Настя осталась снаружи, чтобы доснять ещё какие-то растения, а Сергеев пошёл вывести кабину. Когда капсула выплыла из пещеры, через видеобзор Сергеев увидел, как огромная стрекоза метнулась к девушке и, подцепив её лапами, подняла в воздух метров на двадцать. Настя кричала и дрыгалась, пытаясь освободиться от цепких лап. Сергеев быстро выскочил из капсулы.

— Не дрыгайтесь! — заорал он. — Она может уронить вас! Разобьётесь!

Но Настя то ли не слышала его, то ли поддалась панике.

— Да что ж такое?! Почему с этим одуванчиком вечно что-то случается?! — возмутился вслух Антон. — Ни на минуту её нельзя оставить!

Он быстро сел в капсулу и взмыл в воздух, как на обычном вертолёте былых времён. Капсула парила бесшумно, словно большой мыльный пузырь, настигая стрекозу. Вдруг стрекоза свернула круто влево, в сторону густого леса.

— Чёрт! — выругался Сергеев.

Лететь в лес он не мог — мешали деревья. Он быстро опустил капсулу в кусты, включил для маскировки режим прозрачности, а сам углубился в лес. Антон знал что стрекоза, скорее всего, полетела в сторону болота. Именно его прямо по курсу и показывал планшетник. Вскоре Антон оказался у болота. Было тихо, ни одного звука, который можно было принять за плачь или крик девушки.

— Вот одуванчик упрямый, могла бы и покричать! — пробормотал Антон.

Ему даже представлять не хотелось, что могло означать её молчание.

Настя всё же услышала, как Антон кричал ей, чтобы она не дёргалась, рискуя сорваться из лап стрекозы. Девушка покорно замерла, недвижимым грузом повиснув на цепких крюках острых лап. Колючие, похожие на лезвия, щетины впивались в её спину, прорезая тонкий

топик. От крови он намок и прилип к телу. Было невыносимо больно. Настю стало мутить от высоты и боли. Перед глазами всё плыло, мелькая неясной пеленой. И вскоре девушка обречённо закрыла глаза, проваливаясь в полубессознательное состояние.

Внезапно сильный толчок привёл её в чувство. Она ощутила, что упала на что-то мягкое и пружинящее. Разлепив затуманенные глаза, поняла, что сидит на большой кочке. Стрекоза, широко расставив лапы, словно огромные штативы, опустилась в метре от неё. Она уставилась на девушку огромными выпуклыми экранами своих глаз. И вдруг её хоботок вытянулся и стал медленно ощупывать Настю.

— Убери от меня свои щупальца, тварь вымершая! — закричала Настя.

Но стрекоза продолжала скользить по ней хоботком. Маленькая присоска на его конце словно пыталась присосаться к телу девушки. Решив, что стрекозу интересует окровавленная одежда, девушка стянула с себя лохмотья топики, парео, потом, подумав, сняла и трусики. Таким образом она осталась совсем обнажённой.

Но одежда стрекозу интересовала мало. Насте стало ясно, что монстру нужна её свежая кровь. Хоботок продолжал ощупывать её, скользя по окровавленной спине девушки. Самое противное, что иногда хоботок пытался захватить напрягшиеся от холода и боли вершинки груди. Настя с каждой секундой теряла силы и волю к сопротивлению, обречённо закрывая глаза.

Однако её мысль продолжала ещё работать, искать выход. Собрав остатки сил, девушка изловчилась и набросила платок на глаза-экраны. Стрекоза пошатнулась и взмыв в воздух, стала беспорядочно метаться над ей. Потом своим хоботом она стала пытаться свалить с кочки Настю. Хобот больно хлестал девушку, словно плетью.

И вдруг раздался свист распылителя. Стрекоза растаяла, пролившись влагой. К Насте бросился Сергеев.

— Одуванчик! Маленький мой! — заговорил он, набрасывая на неё свою рубашку, стоя по колено в болотной жиже. — Потерпи, потерпи, милая!

Его встревоженное лицо улыбалось счастливой открытой улыбкой, серые глаза купали Настю в каких-то необыкновенно тёплых лучах. Она с сомнением взглянула на него огромными тёмно-карими глазами в оправе густых длиннющих ресниц, потом улыбнулась и вдруг обняла его за шею тонкими исцарапанными ручками. Ресницы смущённо вздрогнули, а губки приблизились к его губам. И Антон понял, что не желает больше разыгрывать строгого шефа. К чёрту капитана первого ранга! К чёрту службу времени! К чёрту дурацкую экспедицию, которая едва не стоила жизни его любимому одуванчику!

Он сначала робко и осторожно, словно боясь причинит боль, а потом настойчиво и смело коснулся её губ. Почувствовал, как вздрогнула девушка, как сильнее прижалась к его обнажённой груди, чуть раскрыв ротик, вздохнула и пропустила его язык сквозь свои губки.

— Настенька, прости меня! — после поцелуя, длившегося вечность, сказал Антон. — Из-за меня, по моей глупости с тобой всё время что-то случается...

— Капитан, — опуская глаза и краснея, прошептала она, — по правде сказать, я сама... я ведь часто не слушала, что вы... что ты мне говорил и...

— Идём, пора возвращаться, — с улыбкой перебил он.

Она засмеялась. Он удивлённо взглянул на неё.

— Ты забыл сказать: «Пора возвращаться, курсант Ковалёва!», — подражая его голосу,

заметила она.

— Ах, ты! Моя курсант Ковалёва, — усмехнулся он.

И вдруг, пряча улыбку, сказал:

— Теперь я буду звать тебя мой любимый одуванчик... Необыкновенный, из мелового периода...

Их губы вновь встретились. Взяв её на руки, Антон понёс Анастасию по болоту.

Когда они вернулись к капсуле, он обработал ускорителем заживления её ранки, через два часа они совершенно исчезли. Пришлось вколоть сыворотку, чтобы исключить заражение и возможных паразитов.

— Хм, твоей одежды нет, — он задумался, — преобразовывать не из чего... У тебя не осталось даже ни ленточки?

— Нет, — она смутилась, — мне бы хотя бы... трусики...

— О, в таком случае вполне подойдёт мой носовой платок, — засмеялся он.

Она, сверкнув глазками, шутливо хлопнула его по щеке. Он поймал её ладошку и поднёс к губам.

И вдруг они оба поняли, что их давнее чувство друг к другу, которое они прятали даже каждый от самого себя, должно перерасти в нечто новое, прекрасное, как сама земля. Им не нужны были слова. В такие минуты люди понимают друг друга без слов. Заглянув в глаза Насте, Антон прочитал в них согласие.

Он стал целовать её. Они оба с каждой секундой всё больше отдавались своим чувствам. Внезапно маленькая ладошка Насти легла на его губы, и девушка смущённо прошептала:

— Антон, я... Ну, понимаешь, я ещё никогда...

Она не договорила, он с улыбкой перебил её:

— Я знаю, что ты девочка.

— Но... как ты узнал? — краснея, спросила Настя.

— Курсант Ковалёва, — он улыбнулся опять, — это было видно с самой первой минуты нашего знакомства. Я не могу объяснить. Просто видно и всё... Но особенно вчерашний случай с любовью динозавров... Это окончательно меня убедило. В тебе стыдливость пересилила учёного...

Они были в капсуле. Антон, полностью откинув сиденья, устроил удобное ложе. Его пушистый одуванчик в своей первозданной красоте, маленькая и хрупкая, как Дюймовочка из сказки, лежала перед ним. Он вдыхал весенний запах её волос, скользя по ней губами, наслаждался шёлком нежной кожи. Обцеловал каждый миллиметр дивных форм, спустился к крошечным пальчикам на ножках. Он так мечтал о них! Ещё когда не видел её босую, всё время представлял эти узенькие розовые, как у ребёнка, пяточки, и необыкновенно изящные пальчики. А вчера, накладывая ей пластырь, едва удержался, чтобы не припасть к ним и не осыпать поцелуями.

И сейчас он обласкал каждый пальчик с зелёным ноготочком, вызывая её смущённую улыбку и мелодичный смех. Тонюсенькая талия выгибалась, грудь вскипала от новых, неизведанных ощущений, изящные ручки то закидывались за голову, то опускались вниз, словно ища опоры. Губы Антона поднимались всё выше, покрыв поцелуями внутреннюю сторону точёных бёдер, опустились между ними, завладели самым сокровенным. Он тихонько подул на золотой пушок фиалки, погладил его щекой, а ртом осторожно вобрал в себя беззащитную гладенькую влажную щелочку. Антон пил её росу, пьянея от её вкуса.

Карие глаза расширились, потемнели, став почти чёрными, щёчки пылали, влажные припухшие губки прошептали:

— Антоша... что ты делаешь? Мне кажется... я... сейчас... умру...

— Нет, — тоже шёпотом отвечал он с улыбкой, — я люблю тебя, одуванчик...

Его губы, слегка посасывая, играли её крошечной бисеринкой. Девушка стонала, вздрагивая, опуская пальчики рук ему на голову, на его жёсткие коротко стриженные чёрные волосы.

Антон сам уже не мог сдерживаться и скинул натянутые до предела плавки. Настя, увидев перед собой его восставший низ, вспыхнула ещё больше и смущённо закрыла глазки.

— Вы же биолог, курсант Ковалёва, — пошутил он, и сразу с пленительной улыбкой добавил:

— Одуванчик мой родной, не надо стыдиться... И ничего не бойся...

Честно признаться, он сам вдруг испугался. Настя оказалась миниатюрной во всём. Её потайное местечко было очень маленьким. И он боялся, что его толстый двадцатисантиметровый конец может навредить ей. Он подложил под попку девушке подушечку, согнув ножки, развёл их как можно шире и провёл по влажной щелочке багровой головкой. Настя, глубоко вздохнув, закусив нижнюю губку, смотрела на него немного испуганными широко раскрытыми глазками. Антон ободряюще её улыбнулся и слегка поводил вверх-вниз между распухших ярко-розовых складочек. Настя вздрогнула и, застонав, чуть подалась к нему.

Антон осторожно вошёл во влажные створки щёли, почувствовал, что упёрся в невидимую тонкую преграду. Настя напряглась и замерла, продолжая смотреть на него распахнутым взглядом. Он резко надавил, качнувшись вперёд.

— Ааа, ой-ёй! — девушка закричала, из потемневших глаз брызнули слёзы.

Антон увидел, как показалась кровь. И её было немало. Он замер.

Мысленно обругал себя:

— Садист несчастный!

Но внешне он не подал вида, что сам испуган. Он лишь улыбнулся и, с нежностью глядя на неё, прохрипел:

— Потерпи, потерпи, милая... Сейчас всё пройдёт...

Он вновь осторожно продвинулся вперёд. Постепенно лёгкими толчками смог почти полностью войти в узкое пространство. Ликуя, сгорал от поглотившей его страсти. В какой-то момент он уже не смог сдерживать свой натиск и стал раскачиваться, всё ускоряя темп.

Крики Насти вдруг сменились сладострастным постаныванием, а сквозь слёзы засветилась нежная счастливая улыбка. Девушка стала двигаться навстречу любимому, подстраиваясь под его ритм. (Специально для egomo.org — сексителейз.орг) Он брал её мягко, но решительно, полностью покоряя своей сладкой власти. Насте понравилось это подчинение, в нём не было ни капли унижения. Напротив, сейчас она переживала ни с чем несравнимое удовольствие и небывалую радость от соединения с любимым. Чувствуя его внутри себя, Настя ощущала себя единой с ним, единой не только телом, но и духом.

Их взаимная страсть увенчалась упругим ударом горячего извержения. Настя вскрикнула, ещё сильнее прижалась к чреслам Антона и рухнула, теряя силы. Он, выжатый до капли, упал рядом, со счастливой улыбкой целуя искусанные губки. Когда они немного пришли в себя, Антон тихо спросил, глядя в её лучистые глаза:

— Милая, я... сделал тебе не очень больно?

— Нет, — краснея, она мотнула головкой, опустила взор и прошептала: — я... всегда думала,

что это очень больно и страшно... Оказывается... это прекрасно...

— Но... больно всё же было, — возразил он, улыбаясь.

— Немного... — Настя совсем смутилась.

И он, осыпая поцелуями её покрасневшее личико, прошептал:

— Мой любимый одуванчик...

Когда они вернулись домой, Сергеев не стал писать рапорт с просьбой дать ему другого курсанта. Разве мог он доверить кому-то свой любимый одуванчик?